

ФИЛОСОФИЯ

ИСТИНА, СОЗНАНИЕ, ПОДРАЖАНИЕ

ОБРАЗЫ СЛУЖЕНИЯ ИСТИНЕ: ХРАНИТЕЛИ И КОПАТЕЛИ

© Ю. А. Разинов

В статье рассматриваются два образа служения истине — «хранение» и «копание», которые интерпретируются в качестве различных экзистенциальных модусов отношения к истине. При всем различии они обнаруживают единство, состоящее в том, что они являются способами бытия-в-отклонении от истины.

Ключевые слова: истина, ἀλήθεια, сокрытие, тайна, бытие, сущее.

Гоняться за истиной:
не значит ли это — гоняться за счастьем?
Ф. Ницше

Реплика «глубоко копает!» выражает сложную гамму чувств, варьирующихся от восхищения до священного страха. Обычно она имеет в виду истину, которая, в отличие от доксы, не лежит на поверхности, а скрывается в глубине. В крылатой фразе Демокрита «истина в глубине» выражено, таким образом, дело философии, состоящее в раскапывании и разгребании «культурного слоя» доксы в поисках хранимой под ее покровом истины. Манящая в глубину тайна сокровенного делает всякого искателя истины — копателем, а нашедшего — хранителем. Когда Мишель Фуко назвал философию «археологией знания», он исходил из привычного для всякого копателя убеждения в том, что истина есть нечто по-таенное, что она по существу есть *сокровище*.

Но всякое сокровище, будучи найденным и извлеченным на свет, с этого момента существует в перспективе растраты. По этой

причине истины нуждаются в охране и защите. Тем самым культура задает два образа служения истине, представляющие ее как сокровище и тайну. Один связан с хранением и охраной обретенных истин, второй — с неутолимым поиском и возобновляемым приключением, авантурой. Соответственно этим образам служения разделяются и когорты служителей. Первых условно назовем *хранителями*, а вторых *копателями*.

К отряду хранителей принадлежат ортодоксальные проповедники, фарисеи и доктринеры всех мастей, эпигоны философских учений, блюстители морали и правопорядка, а также заседающие в ученых советах ревнители методологической чистоты науки. Во всемирное братство копателей входят философствующие критики, политические диссиденты, всевозможные авантюристы, правозащитники и богоискатели, рано или поздно впадающие в религиозную, политическую или философскую ересь. Копателей можно было бы назвать более нейтральным термином «искатели», но в соответствии с мнением, что «истина в глубине», они заслуживают имени, более приближенного к способу бытия искомого.

Различие между хранителями и копателями ни в коей мере не обусловлено родом их деятельности. Не в том дело, *где* копать и *что* охранять. Различие здесь — в самих образах служения, а они заданы не содержанием того, что маркировано в качестве «истинного», а экзистенциальным расположением человека по отношению к истине. Это расположение задает определенный вектор существования, побуждая одних искать свой «остров сокровищ», а других хранить найденные на нем богатства.

Два образа служения истине

Различие между родами служения не выявляется путем институционального разграничения, которое обычно имеется в виду между религией и наукой. Расхожее мнение о том, что «ученый ищет истину, которая от него скрыта в *глубинах* и недрах мира», в то время как «религиозной истине скорее служат, и она надмирна»¹, будучи верным как *общее место*, не верно в деталях. Не трудно установить, что в среде религиозных служителей находятся свои копатели, а среди ученых — свои хранители. Различие в модусах служения вообще не носит институционального характера, оно — экзистенциальное, векторное различие. Справедливо было бы сказать, что преимущественным вектором религиозного служения является охранение, а научного и философского — неустанный поиск и опасное вопрошание.

Между тем, в *практике* религиозного служения нередко происходит существенная подмена: служение истине замещается служением *правилу*. Поэтому служителей правил справедливо называют «*праведниками*». Безостановочный поиск истины сеет в их душах беспокойство и смуту. С точки зрения «наиболее праведных», каковыми обычно считаются сановные представители церкви, копатели ищут «давно найденное». Девиз «ищите и обрящите» праведники понимают на свой лад — как удел людей шатких

и несостоявшихся в делах веры. Поиск найденных и хранимых истин — доля аспирантов и соискателей святости, главными из которых являются монахи и отшельники, образующие религиозное сословие «неудачников» (в смысле неудавшихся праведников). Однако служители правилам часто сами оказываются далеки от истины, на что не раз указывал Христос в своих спорах с фарисеями. Пользуясь известной метафорой Платона, можно сказать, что праведники — это люди, ослепленные светом истины и застывшие в этом ослеплении. Они — служители фантома. Отсюда девиз копателей — «избегай праведника!».

Но так же дело обстоит и в науке, где тоже существуют свои сановные хранители истины как *достоверности*. Достоверность — форма научной праведности. Заседающие в ученых советах и академических секторах праведники от науки в большей степени озабочены неприкосновенностью запаса, нежели активным его пополнением.

Еще раз повторимся: различие хранителей и копателей — это различие *экзистенциальных векторов* служения. Оно заключается в том, что копатели движутся в направлении *к* истине, не находя ее, в то время как хранители исходят *из* истины, не ища ее. При этом и те и другие (как идеальные типы), каждый по-своему служа истине, ею не обладают. Первые не обладают, потому что не хотят обладать, вторые — потому что думают, что обладают. Поэтому основной проблемой копателей являются беспокойство и постоянная жизненная неустроенность, бесприютность, а основной проблемой хранителей — фальшь и соответствующая ей жизненная скука. Дело не только в том, что скучно жить, думая, что истина в кармане, дело еще в том, что ее там нет.

Парадокс хранителя состоит в том, что охраняемая им истина самим актом ее охранения превращается в свою противоположность — в ортодоксальную ложь. Это превращение почти неизбежно в силу того, что ревностное охранение превращает истину в *наличность*. Хранение в основном имеет в виду наличное и само по себе является формой сокрытия этого наличного. Но всякое сокрытие является уловкой, создающей место для лжи. Не случайно, что в русской речи слова «хорониться», «прятаться», «таиться» и «скрываться» имеют один и тот же смысл — обман противника. Хранение, так или иначе связанное с сокрытием, ставит под вопрос статус истины как бытийной *раскрытости* (разомкнутости) сущего и идущего ему навстречу человека. К тому же ортодоксальное скряжничество замыкает истину в тотальность ее канонического истолкования. Это практически не оставляет места для *события* истины как события *индивидуального* — индивидуального *присутствия*, индивидуального *переживания* истины, ее в себе и себя в ней *испытания*. Именно эта, не имеющая завершеного образа, размыкающая сила истины является вдохновляющей музой копателей. Вот почему ее ускользающий призрак манит их в темноту скрывающегося леса, в пучину мутных вод, в глубь темной пещеры, в бездну звездного неба. Как «философы опасного “может быть”» (Ф. Ницше), копатели никогда не ищут там, где светло.

¹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 551.

Вместе с тем основная «беда» копателей — угроза докопаться до пустоты. По наблюдению Ницше, «если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя»². Впрочем, пустота — это тоже «результат», сознание которого способно остановить дурную бесконечность копания. Во многом по этой причине докопавшиеся до пустоты в срочном порядке конвертируются в хранителей, причем, как правило, с повышенным коэффициентом конвертации. История истины полна примеров того, как копатели рано или поздно переходят на сторону хранителей. Желая получить пожизненные или хотя бы посмертные дивиденды от раздачи истин, перебежчики встают в позу мудрости и поучают остаток своих дней все остальное «недокопавшееся» человечество. Диалектика этого перехода подчинена железному правилу: «Сначала ты работаешь на результат, а затем результат работает на тебя». Отказавшись от поиска истины, они становятся кощегиями своего личного вклада и пожизненными дезертирами из страны чудес.

Но есть такая категория копателей, которых можно назвать «вечными» копателями. Они являются служителями процесса, а не результата. Убежденные в том, что «на вчерашней добродетели нельзя устроиться спать» (М. Мамардашвили), они пожизненно несут свой крест. Вечные соискатели глубоко спрятанных истин, они чаще других слывут неудачниками, ибо становятся не на сторону власти (властно правящей *правильности*), а супротив нее. Они и сами чувствуют себя, по выражению Ницше, «неприятными безумцами и опасными вопросительными знаками»³. Им скучно следовать по заданным маршрутам, а потому они предпочитают чреватую ошибками и жизненными неурядицами торную дорогу. Они бредут по дороге разочарований. Слыша голоса, что вечно правы, они пугаются этой правоты⁴.

Напротив, в глазах хранителей ортодоксальная приверженность истинам, принятым в качества норм и правил, является более успешной жизненной стратегией, нежели постоянное «сатанинское препирательство» (Ж. Батай) и уводящее в дурную бесконечность копание. К тому же копание часто оказывается «болезненным» и «ненужным» самокопанием. Любимому делу копателей — затмению прописных истин — хранители предпочитают бесхитрость очевидного. «Против ясности спорить — только вздорить» — говорят они. Постоянное копание их раздражает, ибо всякий подкоп под охраняемую истину может однажды обрушить предмет их беззаветного служения. Как для политического (идеологического), так и для клерикального (ортодоксального) хранения глубина копания соразмерна величине совершаемого при этом греха — «предательства истины». В глазах христианских апологетов «чистого сердца» и «ясных помыслов», являющихся символами предельной открытости миру и Богу, эпикурей-

² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Сочинения в 2 т. Т. 2. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. С. 301.

³ Там же. С. 336.

⁴ Парафраз из песни «По дороге разочарований» группы «Воскресенье».

ская максима «живи незаметно» легко опознается как стратегия лукавого «себе на уме» существования. Всякое же «себе на уме» пробуждает в душе христианина неодолимую тревогу, ибо допускает наличие внутреннего, непроницаемого для Бога сознания — своего рода внутреннее убежище. Всякое сокрытие — от лукавого, утверждают они. Поэтому, с точки зрения религиозной доксы, копатели движутся не «вверх», а «вниз» — в сторону Ада. Возможно, именно по этой причине Данте поместил таких известных искателей истины, как Сократ и Платон, на первом круге Ада, а эпикурейцев вместе с христианскими еретиками еще глубже — на шестом: *мол, глубоко копали, глубоко и сидите!* Но словно бы вопреки этой догматической установке сам Данте строит парадоксальную топологию, в которой движение воображаемого путешественника «наверх» — в райские кущи — осуществляется путем глубокого спуска «вниз» — в Ад.

Служа каждый своему господину, представители альтернативных «диаспор» вместе с тем оставляют возможность для дезертирства в ряды друг друга. Уставшие от монотонного служения хранители покидают свой пост, чтобы вскопать колодец истины, а «наевшиеся» копатели, наоборот, могут взять, да и прикорнуть на посту. Речь при этом идет не о пресловутой «диалектике истины», а об экзистенциальном переходе из одного модуса служения в другой.

И тот и другой тип служения имеют свои позитивные и негативные воплощения.

Позитивный образ копателя несет Сократ, вступивший с истиной в самое сокровенное отношение *любовного незнания*. Знание своего незнания создает настолько мощный заряд философского беспокойства, что на многие века обеспечивает Сократу славу носителя особого — «сократического» духа философии. Соответствующий образец хранителя лучше поискать в более отдаленном от философии стане — стане пророков и учителей церкви, хотя и на философском поприще находятся свои пророки и учителя. К числу выдающихся хранителей можно причислить Конфуция, узревшего в ритуале универсальную форму хранения традиции. К числу хранителей с позитивным знаком можно отнести Хайдеггера, избравшего ведущей темой своей философии бережное хранение *истины бытия*.

Между тем такая квалификация весьма условна. Тот же Хайдеггер, скорее, являет собой пример удачного сочетания образов: он и заботливый хранитель, и глубокий копатель. Его филигранная техника раскопок архаического слоя языка до сих пор поражает воображение. Его бережное хранение мельчайших смысловых нюансов вызывает глубокое уважение. В стане великих служителей истины вообще трудно провести линию демаркации между хранителями и копателями. Нельзя, например, однозначно сказать, что Сократ — копатель, а Платон — хранитель найденных им истин. Было бы также чрезмерным утверждение, что Гегель — крохоборствующий скряга от метафизики, а Кьеркегор и Ницше — расточители метафизических сокровищ. Каждому из названных философов довелось испытать на себе оба модуса служения. Поэтому различие между хранителями и копателями весьма условно и часто отражает субъективную точку

зрения на исторический процесс истины. Многое здесь зависит от того, какое место в этом процессе занимает сам смотрящий. В связи этим приведу один пример субъективного различия фигуры копателя и хранителя, основанный на личном опыте сравнения.

На одной из выставок фотохудожника Ю. Роста была представлена довольно выразительная композиция, составленная из портретов двух известных советских философов — А. Лосева и Э. Ильенкова. Размещенные друг против друга на входе экспозиции (будучи ее «визитной карточкой»), они по воле художника как бы оказались в ситуации очной ставки или спора. С портрета Лосева истину зрел излучающий монументальное спокойствие величавый хранитель, с портрета необычайно взволнованного и прямо-таки взъерошенного Ильенкова — экзальтированный копатель. Подчеркнутой асимметричностью образов Ю. Рост отразил не только различие в темпераменте ученых. Сознательно или случайно, но концептуально точно он выразил две модальности служения истине.

Что касается негативных образцов служения, то здесь также существуют свои «герои». Хотя назвать их значительно труднее в силу того, что степень негативного проявления определена заслугами. Совсем уж ничтожные персонажи забыты историей, а более или менее значимые обнаруживают положительные черты. Поэтому для того, чтобы никого не обижать и вместе с тем достигнуть чистоты образа, обратимся к народной мифологии, к фольклорной традиции, запечатлевшей отношение к истине как сокровищу и тайне.

Отрицательный образ хранителя в русском фольклоре представляет Кощей Бессмертный, положительный — Хозяйка Медной горы.

Кощей Бессмертный олицетворяет собой, пожалуй, самый худший тип хранителя, ибо, обладая несметными сокровищами, он не живет ими, а над ними «чахнет». Выражаясь фигурально, он выбирает не «жизнь», а «кошелек». Важнейшей функцией Кощея является пленение и сокрытие в плену. С этим связано и происхождение его имени, производное не от внешнего признака *костлявого старика*, как у В. Даля⁵, а от функции *пленения* и *сокрытия*. М. Фасмер указывает на то, что в древнерусских источниках слова «кощеи», «кощи» означают не старца, а отрока, мальчика, пленника, раба. По его версии, имя Кощея могло быть заимствовано из тюркского *kosci* (невольник) или *kos* (становище)⁶. Поскольку Кощей, олицетворявший собой степную орду, крал и скрывал людей и сокровища, то версия Фасмера выглядит более существенной. С другой стороны, его имя могло быть образовано от славянского слова «кош» (*kos, kosz*), имеющего значение «корзина», «ларь», «хранилище». От этого слова происходят современные слова «кошелка» и «кошелек». С точки зрения такой этимологии, Кощей (Кошей) предстает *хранителем* неиссякаемых благ, «вечным

⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2: «И-О». М.: Олма-Пресс, 2001. С. 88.

⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2: «Е-Муж» / пер с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель : АСТ, 2003. С. 362.

жидом», как о нем говорит словарь В. Даля, то есть таким «кошельком бессмертным». К тому же и смерть его хранится в «кошелке» — в скрытом от людских глаз скрывающем ларце. Ларец, где хранится смерть Кощея, являет собой фигуру двойного сокрытия: он и скрывает, и сам сокрыт. Причем сокрытие ларца и того, что в ларце, носит подчеркнутый *мультипликативный* характер: одно спрятано в другое, другое — в третье, третье — в четвертое и т. д.

Одним из самых ценных сокровищ Бессмертного являются женщины (награда для героя). Кощей предстает в русских сказках как похититель невест и содержатель гарема. Но все же главным его сокровищем является бессмертие, условие которого глубоко спрятано от возможных соискателей его смерти. Соискателем же смерти Кощея, а вместе с нею богатств и украденной невесты является Иван-царевич, ведущий подкоп под глубоко спрятанную, но уместяющуюся на конце иглы истину. Этой истиной является парадоксальная *смерть бессмертия*, которая развязывает узел героической судьбы. Поэтому не случайно, что тайна этого *конечного* бессмертия спрятана именно на *конце* иглы. Игла же, как мы помним, спрятана в яйце, спрятанном в утке, спрятанной в зайце, спрятанном в ларце, спрятанном в земле в неизвестном месте под корнями старого дуба. И что важно: способом раскрытия этого сокровища является вовсе не случайный подарок судьбы, но смертельно опасный поединок героя с коварным злодеем. В этом противостоянии Кощей олицетворяет собой сущность самого сокрытия, в то время как Иван-царевич предстает копателем истины и агентом ее героического раскрытия.

Сходные мотивы присутствуют и в сюжете «Хозяйки Медной горы». Правда, в отличие от Кощея, Хозяйка представляет собой, если так можно сказать, «положительный» персонаж охраняющего сокрытия. Скрывая, она раскрывает. В этом отношении она подобна греческой нимфе Калипсо, сначала скрывавшей Одиссея «в гроте глубоком, желая, чтоб сделался ей он супругом» (1:15)⁷, а затем ставшей его покровительницей. Данила-мастер, посягнувший на сокровища Хозяйки, главным из которых является мудрость, подобен вечно ищущему Одиссею. Он также становится многолетним пленником скрывающей горы. Сама подземная пещера здесь служит сильной метафорой сокрытия. Посвящая Данилу в мастера, Хозяйка горы, как и греческая Калипсо, желает назвать его своим мужем. Это значит, что помимо сокровищ и секретов горного мастерства она хранит еще и некоторые женские тайны. Однако условием их полного раскрытия является супружество. Но верный своей суженой Данила находит *мужество* вырваться из пленительных чар, подтверждая тем самым догадку этнографов и антропологов о присутствии здесь, как и в сюжете с Кошеем, следов инициального обряда. Вместе с тем, став мастером и в качестве такового носителем правильного, он оказывается дезертиром из страны чудес. Но это вынужденное дезертирство, ибо Хозяйка предлагает ему *слишком много*, гораздо больше, чем он готов вынести.

⁷ *Гомер.* Одиссея / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. М., 1953.

Сказание о Даниле-мастере является хорошим примером того, как магии хранителей противопоставлено мастерство копателей. Любопытный сюжет мог бы сложиться, если бы Данила был соискателем не техники обработки камня, а мастерства обработки чувственного тела. Тогда история с Хозяйкой приобрела бы другой и весьма пикантный оборот. Впрочем, в истории и так достаточно примеров глубокого погружения в эротическую сферу. Всемирно известными копателями глубин сексуального опыта и плотского наслаждения являлись Джакомо Казанова и маркиз де Сад. Предпринятый каждым в отдельности эротический эксперимент можно было бы отнести к разряду *дурного копания* (в смысле гегелевской «дурной бесконечности»), если бы это не было связано с природой желания. Приоткрытая авантюризм испытанием истина желания в обоих случаях заключается в нежелании овладеть *полнотой* желания. Иначе говоря, желающий парадоксальным образом *не желает исполнения желанного*, ибо это исполнение приносит смерть самому желанию. Как считал Жак Лакан, отсрочка исполнения желания есть изощренный способ желать. Избегая встречи с полнотой удовольствия, субъект конституирует его как недостижимый (возвышенный) объект желания, поскольку действительный объект — это то, в чем желание себя растрачивает и опустошает. Проще говоря, ценно само желание, а не его предмет. Следовательно, истина желания заключена в том, что желание по существу желает только себя.

Однако открытие этой истины ничего не меняет в природе желания. Это значит, что, едва приоткрывшись, истина желания все равно остается сокрытой, таинственной. Именно эта сокрытость и является условием ее возделенной, но избегаемой полноты. Кроме того, это значит, что в сущность истины включается обман, который в данном случае состоит в том, чтобы обмануть предметно ориентированное желание.

К числу соискателей полноты желания можно отнести также пушкинского Дон Жуана, который, как ни крути, но «докопался» до каменной статуи Командора. Однако покушение на полноту желания, согласно гению русской словесности, есть путь, ведущий к смерти. Брошенный Командору вызов — ярчайший пример повышения сексуальной ставки до ее смертельного предела, о чем писал Бодрийяр⁸. Однако пушкинский Дон Жуан — не копатель в смысле де Сада и Казановы: он не стремится к отсрочке желания и поэтому «слишком рано» нарывается на смертельную дуэль. Он «слишком быстро» осуществляет возгонку желания, а потому оказывается в каменной рукавице смерти.

Из приведенных примеров видно, что предметом интереса героя-любовника, как всякого копателя, является *бессмертная истина*. Де Сад и Казанова отличаются от пушкинского Дон Жуана только тем, что, стремясь зайти «слишком далеко», не желают достигнуть конца. Они боятся встречи с истиной (желания), поскольку возлагают на нее *слишком много*. А это «слишком» содержит латентную, то есть скрытую и одновременно приоткрытую перспективу провала. Именно во избежание возможности

провала копатель помещает истину предельно *глубоко*, в то время как она вот тут — скользит на поверхности. Копатель буквально «закапывается» в своем поиске истины. В целях охраны ее мнимого бессмертия он, находя, не узнает ее и тут же «зарывает» в еще большие глубины. Он ищет, чтобы прятать, а прячет, чтобы искать. Он прячет искомое в яйце, яйцо — в утке, утку — в зайце, зайца — в ларце, а ларец — в земле... Копатель, таким образом, оказывается изнанкой хранителя, альтернативным полюсом одной и той же системы служения *вечной и неизменной истине*.

Итак, сравнительный анализ двух образов служения выявляет противоречие в каждом из них. Хранители берегут истину как сокровище, подвергая ее инфляции и таким образом *обесценивая* ее. Копатели ищут это сокровище с целью не найти, делая его таким образом *бесценным*. Создается впечатление глубокого распада в структуре служения истине как экзистенциальных проектов копания и хранения. Но может быть, дело не в субъектах этого служения, не в том, какой вектор они избирают? Может быть, все дело в природе самой истины, как, например, в случае истины желания? Решение этого вопроса не может обойтись без отношения к самому понятию истины.

Истина как сокровенная несокрытость

Истиной мы называем *раскрытость сущего* в том, что оно по существу есть. Но в ряде регионов опыта, в таких как любовь, страдание, наслаждение, жизнь и смерть, мы никогда не сталкиваемся с очевидностью и полнотой истины как открытости. Открытое предстает перед нами только как *при-*открытое или же *не-*сокрытое. Мы будто бы всякий раз спотыкаемся об эту невидимую преграду в виде приблизительного «при» и отрицательного «не». Более того, попытка учредить ясные и непоколебимые истины о такого рода вещах, как жизнь, смерть, наслаждение и мука, фатально уничтожает их понимание. *Явленный путь не является истинным*. Такой принцип понимания отсылает нас в темноту и загадочность истины как мнящегося, но ускользающего от нас сокровища.

Сокровищем мы обычно называем то, что скрыто. Но как быть с тем, что истиной мы именуем нечто противоположное — раскрытость? Как раскрытое может быть одновременно сокровищем? Ведь сами слова, служащие для обозначения истины, имеют противоположное значение. К числу таких слов относятся русское слово «откровение», а также греческие термины «апокалипсис» и «алетейя». Вместе они указывают на то, что истина есть *открытость* или *несокрытость*. Видимый парадокс истины заключается в том, что она глубоко спрятана, сокровенна, но она же и есть то, что себя *не* скрывает.

Русское слово «откровение» не вполне улавливает этот противоречивый смысл. Во-первых, в нем нет важного для понимания несокрытого указания на *сокрытость*. Во-вторых, в нем нет отрицания, которое присутствует в приставке «не». Между тем несокрытость и откровение — не одно и то же. Но если обратиться к греческим терминам «а-летейя» (ἀλήθεια), что значит «несокрытость», и «а-покалипсис» (ἀποκάλυψις), что значит «откровение»,

⁸ См.: Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.

то внутренняя противоречивость истины станет лингвистически очевидной. Оба термина образованы путем привативной «б», благодаря чему слова «истина» и «откровение» по-гречески звучат как *отрицание* сокрытости, то есть содержат *негативный* смысл.

К слову сказать, ἀλοκάλυψις означает вовсе не «конец света». Точно так же, сам «конец света», описанный в Откровении Иоанна Богослова, не означает оптический коллапс, вызывающий наступление тьмы. Согласно сюжету апокалипсиса, в конце «конца света» устанавливается не тьма, а тотальное господство божественного сияния. Слово «ἀλοκάλυψις» в этой функции *отрицания сокрытого* близко по значению к слову «ἀλήθεια». Апокалипсис является антонимом к существительному «καλύπτρα», имеющему значения «покрывало», «вуаль», «кров», «крышка». Само же слово «καλύπτρα» образовано от глагола «καλύπτω», имеющего значения «покрывать», «скрывать», «затмевать». Из этого словарного гнезда производно имя древнегреческой нимфы Калипсо. У Гомера с этой нимфой связана важная сюжетная линия в «Одиссее», состоящая в том, что она хитростью и коварством скрывала Одиссея на своем острове. Кроме того, Калипсо известна тем, что ежедневно ткала ковры и покрывала, так что и само ее имя буквально переводится как «Скрывающая» или «Покрывающая». Такое чередование смыслов подтверждается и тем, что скрывающая богиня впоследствии становится покровительницей героя. Примечательно, что Гомер, упоминая имя «Калипсо», всякий раз сопровождает его титулом «богиня богинь». Что стоит за таким титулом, сказать трудно, но очевидно, что скрывающая богиня — не менее значимая фигура в греческом пантеоне, нежели ее противоположность — богиня откровения Алетейя (Ἀλήθεια).

В отличие от Калипсо, Алетейя — это «ненатуральная» богиня. Она — богиня философов, а точнее, аллегория, воспетая Парменидом. В строгом смысле Алетейя — не *богиня истины*, а *богиня-истина*. То есть она не является мифологическим персонажем, которому истина вручена в качестве предмета заботы, как, например, Фемиде вверена функция правосудия, а Дикэ — обязанность приводить в исполнение действие закона. Алетейя — не агент, не проводник истины в том смысле, в каком мифологическое сознание приписывало ко всякому значимому делу божественного деятеля. Алетейя — не «делатель», а само «дело». Называя ее θεία (богиня), Парменид хочет сказать, что истина по сути своей *божественна*; она является божественным истоком для раскрывающего ее человека. Существом же божественной истины является *несокрытость*. Это существо Хайдеггер считал начальным, но забытым «первозначением греческого понятия истины»⁹.

В слове «алетейя», в самой его языковой форме, представлена связанность истины со сферой сокрытого, причем отрицаемого сокрытого. Однако такое «первозначение» выпадает при переводе слова «ἀλήθεια» на основные европейские языки. Ни латинское «veritas», ни немецкое «wahrheit», ни ан-

глийское «truth», ни русское «истина» такого отрицания не содержат. К тому же европейские термины, как и русское слово «правда», коннотированы этико-правовым значением «правильности», «верности», «справедливости». Кроме того, в каждом из них присутствует специфический смысловой оттенок, выражающий особый план несокрытости. Латинское слово «veritas» имеет значение *правильности* и *верности*, немецкое «wahrheit» — *красоты* и *совершенства*, английское «truth» — *правды* и *правильности*, русское «истина» — *существования* и *действительности*.

В отличие от греческого слова «ἀλήθεια», которое главным свойством истины объявляет несокрытость сущего, русское слово «истина» указывает на само это *сущее*, на его действительность, на то, что *есть*. Согласно этимологии В. Даля, истина — это «*естина*»: «Все, что *есть*, то *естина*; не одно ль и то же *есть* и *естина*, истина?»¹⁰ Иными словами, это слово имеет явную онтологическую коннотацию, которая не так очевидна в слове «алетейя», хотя и мыслится в нем: *сущее как таковое* есть то, что себя не скрывает. В этом отношении русское слово как бы предрасположено к онтологическому истолкованию проблемы истины, хотя онтологический смысл его все равно остается скрытым, причем гораздо более скрытым, нежели тот, который Хайдеггер усматривает в греческом слове «алетейя». Благодаря наличествующему в нем отрицанию, образуется тот смысловой зазор, который позволяет Хайдеггеру увидеть в «алетейя» первообраз онтологического понятия истины. Так или иначе, но русское слово «истина», по крайней мере в языковом отношении, гораздо ближе к нему, нежели латинское «veritas», немецкое «wahrheit» или английское «truth». Если этимология Даля верна, то слово «истина» с самого начала возникает как термин для онтологического понимания. В европейских же языках берет верх эпистемологическая коннотация, обусловленная истолкованием истины как *правильного суждения* о сущем. По этой причине Хайдеггеру пришлось «докапываться» до изначального, но забытого европейцами *онтологического плана* феномена истины. Для этого ему пришлось прибегнуть к истолкованию греческого термина «ἀλήθεια». Нам же этого делать не нужно, так как в русском языке этот план присутствует в самом слове «истина».

Но вернемся к греческому термину. Что же несет в себе это забытое и труднопереводимое слово «алетейя»? Может ли истина быть сокровищем, если само имя ее — «несокрытость»? Может ли она быть тайной, если существом ее является «непотаенность»? Как сокрытое может оставаться сокрытым притом, что сама сокровенность должна быть феноменологически явлена? Как открывается само сокрытое? Не пытаюсь дать ответ на эти вопросы, но только в целях их прояснения, вслушаемся в значение греческого слова «ἀλήθεια», смысл которого для нас разжевал «коренной зуб немецкой философии», как выразился о Хайдеггере поэт Андрей Вознесенский.

⁹ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 137.

¹⁰ Даль В. Указ. соч. Т. 2: «И-О». М.: Олма-Пресс, 2001. С. 52.

Четыре аспекта значения «алетейя»

В лекционном курсе о Пармениде, специально посвященном разбору термина «алетейя», Хайдеггер обращает внимание на содержащиеся в нем отсылки к различным структурам опыта, выделяя соответствующие им четыре плана значения.

Первый план значения обусловлен тем, что слово «ἀλήθεια» отсылает к противоположному — к «сокрытости» (λήθη)¹¹, через которое оно определяется, но которое само (как объект внимания) остается в этом слове сокрытым и неопределенным. В этом аспекте истина раскрывается как то, что вступает в прямое отношение к «ложному», которое необходимо «отважиться помыслить» прежде, чем пытаться односторонне понять природу истинного. «У греков, — пишет Хайдеггер, — сущность ложности как бы налагает отпечаток на сущность истины»¹². При этом саму ложность необходимо помыслить опять-таки в специфически греческом смысле — *сокрытости*. Главное, что стремится подчеркнуть Хайдеггер, состоит в том, что процесс истины осуществляется не *вне*, а *на почве* противоположного ей сокрытого (ложного). Это значит, что истинное располагается не по ту сторону ложного, озаряя мир из какой-то иной (потусторонней) сферы, а само «принадлежит той сфере, в которой совершается сокрытие и сокрытость»¹³. Причем, слово «алетейя» указывает не просто на какое-то отношение к сфере сокрытого, а на *сущностную принадлежность* к этой сфере. Область сокрытого — это то, в чем истина как таковая *укоренена*. Таким образом, *сокрытое необходимо понять как самое существенное в истине*. Для нас это является важным указанием на то, что опыт истины по необходимости включает в себя многосложный *опыт сокрытия* — опыт лжи, обмана, забвения, утаивания, уклонения, запутывания, блуждания и так далее. Более того, если ἀλήθεια фундирована в λήθη, если раскрытие осуществляется из сферы сокрытого, то это говорит о некоем (онтическом) первенстве ложного по отношению к истинному. Сокрытие «царствует», и областью его владычества является не просто сознание субъекта, а само сущее.

Второй план значения связан с отрицанием. Самой грамматической формой «не-сокрытость» слово «алетейя» отсылает к *опыту отрицания*. Он конкретизирован как опыт *противоборства* сокрытости. Сама отсылка, содержащаяся в приставке «не», указывает на то, что истина не наличествует, а отвоевывается в споре человека с сокрытостью. Для нас это значит, что истина существует не сама по себе, а лишь в актах *сопротивления* лжи и обману, забвению и утаиванию, заблуждению и промаху. В этом смысловом аспекте истина раскрывается как *спор и борение*, как

¹¹ Слово λήθη (дор. λάθη) обычно переводят как «забвение», «забыть». Хайдеггер же отдает предпочтение в переводе более древнему значению «быть скрытым», понимая забвение как феномен сокрытия.

¹² Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2009. С. 56.

¹³ Там же. С. 48.

Гераклитова война, входящая в сущность вещей. Причем истина не *есть*, а *устанавливается*, т. е. находится в состоянии действия, а не просто выступает условием действия, например, познания. Оба плана значения «алетейи» — *сокрытие* и *отрицание* — легко улавливаются, как пишет Хайдеггер, «благодаря различной акцентуации этого слова: не-сокрытость и не-сокрытость»¹⁴.

Третий смысловой аспект термина менее очевиден, что предполагает более тонкую герменевтическую работу, направленную на выявление бытийно-исторической связи ἀλήθεια и λήθη — несокрытости и сокрытости (истины и заблуждения). Уникальная возможность термина «алетейя» заключается не только в том, что он содержит в себе отрицание противоположного — сокрытости, но и в том, что он являет отрицание самой несокрытости. Этим отрицанием является энергия забвения и заблуждения (λήθη). Это значит, что осуществляемая в сфере сокрытого и из этой сферы истина *внутренне противоречива*. Она есть *борение в себе* и пребывает в отношении противоположности *к себе самой*. Такое единство противоречивого мы и находим в тайне. Таинственное обнаруживает и показывает себя как сокрытое, т. е. в определенном смысле открывается нам, но именно как таинственное. В этом смысле (виде) нам открывается таинственная пещера, озеро или лес. Тайна объявляет себя самым действием сокрытия. Русское слово «тайна» созвучно тюркскому слову «тайга» и, возможно, является родственным словом. Тайга являет перед нами широту сокровенного мира. В ней мы видим две стороны отношения, образующие единство: *явленность сокрытого* и *непроявленность несокрытого*.

Этот третий аспект «алетейи» приоткрывает тайну единства двух образов служения истине — неутолимого копания и ревностного охранения. Он показывает, что противоположность между ними — только внешняя. Противоречие между поиском и сбережением заключено не в сфере субъекта, а в сфере борения самой истины. Раскрывая себя тем или иным способом (для одних как *искомая*, а для других как *найденная*), истина все равно остается сокрытой. Она остается таковой в разном отношении. Вечным искателям кажется, что они ее нигде не находят, вечные хранители мнят, что она всегда за спиной. Но, раскрывая себя в одном аспекте, истина остается скрытой в другом. В тот самый момент, когда копателям кажется, что они в очередной раз выпустили истину из рук, она незаметно для них показывает себя. Напротив, когда хранитель, уверенно задвинув засов своего ларца, поворачивается к ней спиной, она, как тень, ускользает из-за нее.

Пока те и другие самоотверженно противостоят друг другу, ἀλήθεια ведет свой незаметный спор в каждом из них. «Это исполненное внутренней борьбы существо истины уже две с половиной тысячи лет светит в самом тишайшем из всех огней»¹⁵.

Четвертый смысловой аспект термина «алетейя» Хайдеггер связывает со значением свободного и беспрепятственного *раскрытия*. То есть это

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 46.

слово помимо прочего содержит указание на то, в свете чего обнаруживается его собственная недостаточность как термина, что выявляет ограниченность чисто формального определения истины как не-сокрытости. В конечном счете, полагает Хайдеггер, *не-сокрытое* необходимо истолковать как *рас-крытое* и *от-крытое*, отсылающее в *просвет* и *простор* бытия. По сути это означает замену термина «алетейя» термином «откровения» («апокалипсис»), в чем, на наш взгляд, выражается глубоко скрытая неинституциональная религиозность Хайдеггера. В его понимании, истина для греков есть *откровение природы* («фюзис»), в то время как религиозная традиция говорит о божественном откровении. При этом сам Хайдеггер под истиной имеет в виду свершающееся в человеке (*Dasein*) *откровение бытия*. Но это откровение иного рода, нежели откровение сущего. В истине *сущего* истина *бытия* парадоксальным образом сокрыта: «Бытие, раскрывая себя в сущем, уклоняется», — пишет Хайдеггер¹⁶. Оно уклоняется тем, что «дает видеть» сущее: «Несокровенность сущего, ему предоставленное освещение, затмевает свет бытия»¹⁷.

Хранители и копатели сходятся в одном: они, хотя и по-разному, но служат одинаково понятой истине *сущего*. В их служении она различным образом понята как нечто *наличное*: для хранителей — как то, что хранится в ларце, для копателей — как то, что скрывается в глубине. Истиной для копателей является, хотя и нигде не находящаяся, но таким *негативным* образом понятая, наличность. В обоих случаях она есть характеристика *сущего*, заслоняющего в своей явленности истину *бытия*. Но только так — через экран сокрытия в сущем — истина бытия себя проясняет. «... Это сокрытие своего существа и существоисточка есть та черта, в которой бытие изначально себя проясняет так, однако, что мышление не следует ему прямо»¹⁸. В этом отношении и копатели, и хранители существуют в модусе отклонения от истины. Они являют собой два модуса бытия-в-отклонении.

Понимание истины как *откровения бытия* снимает накал внутреннего борения в истине, оставляя его «позади» как необходимое, но исчерпанное условие. «Позади» должна быть оставлена наличная истина *сущего* для того, чтобы иметь возможность вступить в раскрытость *потайной* истины *бытия*. В свете этой задачи важным для Хайдеггера становится не страждущий поиск истины и не ее самоуспокоенное охранение, а умиротворенное *бытие при* истине. В таком понимании истина мира приведена к состоянию мира, то есть умиротворена. В таком понимании само различие копания и хранения как модусов служения истине меркнет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. — 2-е изд. испр. — М. : Языки русской культуры, 1999.
2. Бодрийяр, Ж. Соблазн. — М. : Ad Marginem, 2000.
3. Гомер. Одиссея / пер. с древнегреч. В. В. Вересаева. — М., 1953.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. — Т. 2: «И-О». — М. : Олма-Пресс, 2001.
5. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Сочинения в 2 т. — Т. 2. / пер. с нем. сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. — М. : Мысль, 1990.
6. Хайдеггер, М. Изречение Анаксимандра // Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества : пер. с нем. / М. Хайдеггер ; под ред. А. Л. Доброхотова. — М. : Высшая школа, 1991.
7. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. — 1989. — № 9. — С. 116—163.
8. Хайдеггер, М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб. : Владимир Даль, 2009.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — Т. 2: «Е-Муж» / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стереотип. — М. : Астрель : АСТ, 2003.

¹⁶ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдеггер ; пер. с нем. под ред. А. Л. Доброхотова. М. : Высшая школа, 1991. С. 40.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.